

К.В. НИКИФОРОВ. «Начертаније» Илије Гарашанина и спољашња политика Србије 1842–1853. Београд, 2016. 274 с.

К.В. НИКИФОРОВ. «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг.

DOI: 10.31857/S0869544X0004207-0

В 2016 г. белградское издательство «Службени гласник» представило вниманию научной общественности перевод книги авторитетного российского историка Константина Владимировича Никифорова ««Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг.» — книги, которая на русском языке вышла в 2015 г. в издательстве «Индрик» под грифом Института славяноведения РАН.

Сербским научным кругам хорошо известно имя Константина Владимировича Никифорова. Из-под его пера вышло более 200 научных работ, посвященных отношениям России с южнославянскими народами (прежде всего, с сербами) в XIX–XXI вв., а также положению русской эмиграции в период между двумя мировыми войнами. В переводе на сербский язык уже опубликованы его монографии «Србија средином XIX века: почетак активности на уједињењу српских земаља» (Приштина, 1995), «Између Кремља и Републике Српске: завршна етапа босанске кризе» (Београд, 2002) и «Србија на Балкану у XIX веку» (Београд, 2014). К.В. Никифоров является соавтором нескольких монографий, анализирующих общественные, политические и геостратегические процессы, протекавшие в Юго-Восточной Европе в XIX–XXI вв. В свете югославского кризиса

конца XX — начала XXI в. тема «Начертания» — первой национальной программы Сербии — снова стала актуальной, что побудило К.В. Никифорова вернуться к этой проблеме. Именно вернуться, потому что в 1987 г. он защитил кандидатскую диссертацию, посвященную внешней политике Сербии 1840-х — начала 1850-х годов. Однако не только «неожиданная актуализация проблематики «Начертания»», но и «публикация большого массива документов» подтолкнула автора к тому, чтобы взяться за написание этой монографии, которая имеет исключительное значение как для российской, так и для сербской историографии.

В образцово написанном Введении (с. 23–43) К.В. Никифоров знакомит читателя с традицией изучения «Начертания», сложившейся в рамках сербской/югославской историографии в период с начала XX в. до наших дней. Перечислены те, кто внес вклад в изучение данной темы — от Миленко Вукиевича, впервые опубликовавшего документ в журнале «Дело» в 1906 г., а также Драгослава Страняковича, Воислава Вучковича, Радослава Перовича и Милорада Экмечича до Радоша Люшича и Душана Батаковича. Будучи исключительным знатоком сербской историографии, автор указывает на идеологические наслонения, присутствовавшие в тех или иных

трактовах «Начертания», озвученных сербской/югославской историографией к концу XX столетия. Например, по словам К.В. Никифорова, в 1930-е годы Странякович делал упор на отчетливо югославянском и объединительном характере «Начертания», что соответствовало официальной в то время государственной идеологии «интегрального югославизма». Приведена точка зрения Воислава Вучковича, считавшего «Начертание» вехой в развитии сербской национально-освободительной идеологии, которая прослеживалась им со времени Первого сербского восстания. Не соглашаясь с Вучковичем, Р. Перович возникновение «Начертания» объяснял влиянием польской эмиграции, отрицая тем самым самостоятельность и «автохтонность» деятельности И. Гарашанина. Одним словом, подытоживает Никифоров, в социалистической Югославии «идеологические клише» и доминирующий тезис о «великосербском» характере «Начертания» предопределили отношение к Гарашанину и его детищу. Лишь с конца 1980-х годов о «Начертании» стали писать как о сербской национальной программе. Что касается трактовки «Начертания» советской послевоенной историографией, то и она находилась в плену идеологических стереотипных представлений. Никифоров приводит слова В.Г. Карасева, который в разделе «Истории Югославии» (1963), посвященном развитию Сербии в середине XIX в., оценивает «Начертание» как «консервативно-буржуазную и великосербскую программу». Подобное мнение превалировало до конца советской эпохи, хотя в работах И.С. Достян, которой автор посвятил свою монографию, и в трудах самого Никифорова, ставшего автором раздела в коллективном труде «Международные отношения на Балканах. 1830–1856» (1990), озвучивались менее жесткие оценки. Научный интерес к «Начертанию» возродился в 90-е годы XX в. В это время в Сербии увидела свет «Книга о Начертании», написанная Р. Люшичем, а в Хорватии – монография Дамира Агичича, озаглавленная «Тайная политика Сербии в XIX веке». Первую Никифоров, оценивает как «наиболее детальный анализ известной программы». Произведение Агичича, по словам

автора, несет отпечаток гражданской войны и межэтнического противостояния того времени. В частности, критикуется ставший анахронизмом тезис о «начале сербского империализма». Осведомленность К.В. Никифорова о современных исторических работах, появившихся за последние пятнадцать лет, позволяет читателю уже после прочтения Введения составить ясное и сбалансированное представление о результатах изучения «Начертания», его оценках и трактовках, присутствующих в сербской и российской историографии.

Первая глава «Сербский кризис 1842–1843 гг.» (с. 47–87) разделена на три параграфа: «Великие державы и смена власти в Сербии», «Борьба уставообразителей за укрепление своей власти», «Созданный возглавлять государство». Автор описывает политический и социально-экономический аспекты развития страны с 1830 г., когда Сербия получила статус автономной области Османской империи. Особый интерес представляют наблюдения русских путешественников и дипломатов, отмечавших низкий уровень экономического развития сербских земель и одновременно относительно зрелое национальное сознание, присущее не только населению княжества, но и сербам, проживавшим в Славонии, Боке Которской и других областях. Переломным событием в политической истории Сербского княжества стало провозглашение в 1838 г. так называемой Турецкой конституции, послужившее отправной точкой межпартийной и междинастической борьбы в стране. Кульминацией противостояния можно считать мятеж Вучича 1842 г., в результате которого лишился власти князь Михаил Обренович, а на престол был возведен Александр Карагеоргиевич. Умело используя как литературу, так и неизвестные сербскому читателю документы российских архивов, автор характеризует отношение российского правительства к происходившему в Сербии в 1842 г. Подчеркивается, что династический переворот в Петербурге расценили как «революционный акт», враждебный в отношении России как защитницы и гаранта сербской автономии. В течение 1843 г. изначально жесткая российская позиция по вопросу смены власти в Сербии

постепенно становилась более компромиссной благодаря деятельности дипломата В.К. Ливена. Подробнейшим образом Никифоров описывает и анализирует как события в княжестве летом 1843 г. (оставление власти и новые выборы князя Александра; репрессии в отношении Вучича и Петрониевича; заговоры, инспирированные Обреновичами; отзыв из Сербии российского консула Ващенко), так и затруднения, с которыми сталкивалась в то время российская дипломатия (одновременное отстаивание территориальной целостности Османской империи и покровительство, оказываемое ее христианским народам). Политический хаос, царивший в Сербии, вынес на поверхность Илию Гарашанина, ставшего опорой режима уставобранителей. Политической карьере автора «Начертания», занимавшего пост министра внутренних дел в 1843—1853 гг., посвящен небольшой раздел рассматриваемой монографии.

Во второй главе «Программа “Начертание” и начало ее реализации (1844—1847 гг.)» (с. 91—144) автор описывает обстоятельства возникновения «Начертания», оценивает влияние польской эмиграции на политику режима уставобранителей. Отдельное внимание уделяется «Плану» Франьо Заха, в котором намечались основные этапы будущего южнославянского объединения. На автора этих строк наибольшее впечатление произвел аналитический обзор современных трактовок «Начертания» (Д. Батакович, Д. Агичич, Н. Попович, Х. Зюндхаузен, И.С. Достян, С.А. Романенко, Е.П. Кудрявцева), а также экскурс, посвященный генезису такого пропагандистского понятия как «Великая Сербия». Никифоров приходит к выводу, что в «Начертании» «выражена идея создания полноценного, политически и экономически жизнеспособного государства. И можно говорить лишь о наличии некоего южнославянского фона [...] в безусловно сербской по своему характеру программе» (с. 106). Анализируя происхождение идей Гарашанина (Чарторыйский, Зах, Уркварт), автор соглашается с мнением М.В. Белова, который призвал рассматривать текст «Начертания» не только как текст «одного автора», а «скорее как палимпсест, имеющий множество слоев и многих авторов»

(с. 112). При этом Никифоров настаивает, что не следует ставить под сомнение итоговое авторство Гарашанина. Отдельный параграф посвящен внешней политике Княжества Сербия в 1840-е годы. Подчеркивается, что наряду с «тайными планами» проводился официальный «публичный» внешнеполитический курс. Носителем первых был Гарашанин, а второго — министр иностранных дел Аврам Петрониевич. В целом, стабильность режима уставобранителей во многом зависела от заговоров и восстаний, инспирированных Обреновичами. Правительство в Белграде пыталось поддерживать хорошие отношения с Портой и Австрией, а также восстановить нарушенные отношения с Россией. С другой стороны, автор, используя прежде малоизвестные источники, достаточно подробно описывает первые шаги Гарашанина в направлении реализации «Начертания», а именно, его сотрудничество с францисканцами в Боснии, с Черногорией, руководителями народного движения в северной Албании, болгарскими вождями и авторитетными хорватами.

Отдельная глава посвящена политике Сербского княжества во время революции 1848—1849 гг. (с. 144—188). Автор подчеркивает, что «главным внешнеполитическим вопросом для Сербского княжества в то время было — оказывать или нет помощь воеводинским сербам». Одновременно правящий режим сталкивался с угрозами со стороны Обреновичей, что привело к расколу и конфликту в лагере уставобранителей (Вучич — Гарашанин). Автор приходит к выводу, что Гарашанин в то время стремился ограничить усилия по решению сербского вопроса лишь областями в составе Турции. По его указанию, Константин Николаевич составил проект создания «сербского вице-королевства», в котором объединились бы сербские этнические области, находившиеся в составе Османской империи. Описаны и прочие планы, не имевшие ничего общего с действительным положением вещей. По словам Никифорова, сербы «только России часто отказывали [...] в праве быть реалистом [...] Именно России всегда предъявлялись самые завышенные ожидания и наибольшие претензии. Она должна была априори поддерживать

все сербские требования, даже если это шло вразрез с ее интересами» (с. 176). И, все-таки, в 1848—1849 гг. маятник сербской внешней политики качнулся в другую сторону. Результатом борьбы сербов в Венгрии, а также помощи, которую им оказывало княжество, стало создание в конце 1849 г. Воеводства Сербии и Тамишского Баната. В заключении к рассматриваемой главе автор пишет о разочаровании в мирных и легитимных средствах освобождения сербского народа, которое постигло Гарашанина, пытавшегося определить, какая из великих держав более остальных заинтересована в решении сербского вопроса.

В последней главе монографии «Завершение первого этапа реализации «Начертания» (1849—1853 гг.)» (с. 191—250) описываются политические и общественные условия в Сербии после поражения революции в 1849 г. Речь, в частности, идет о европеизации Сербии, которая «невольно» последовала в результате тесных контактов с сербами из Австрии и наглядно проявлялась во внешнем облике жителей княжества: «Манера одеваться по-турецки стала уходить в историю». С другой стороны, усилился процесс «бюрократизации» (с. 192—194). Власти пытались предотвратить распространение либеральных идей, а также избавиться от влияния иностранных консулов на политику сербского правительства. Произошло новое охлаждение отношений с Россией, вызванное присутствием в княжестве представителей польской эмиграции. В конце концов, поддавшись давлению со стороны российского консула Лёвшина (сербская историография ошибочно называет его Левшиным), сербское правительство в сентябре 1851 г. распорядилось выдворить оставшихся в стране политических эмигрантов (поляков и венгров). Автор также рассматривает «Уставы политической пропаганды» — документы, в которых говорилось о том, что следует предпринять для реализации «Начертания» в 1849—1850 и 1850—1851 гг. «Уставы» представляли собой детальные планы действий с указанием территории и агентов, которым на обширном пространстве Балканского полуострова — от Болгарии до Далмации — предстояло осуществлять приготовления

к освобождению от чужеземной власти. Несмотря на наличие агентурной сети, сербское правительство в тот момент не было готово (и не имело возможности) ни поддержать масштабные крестьянские движения, ни активно включиться в решение аграрной проблемы. Этим уставохранители и сам Гарашанин «лишали себя главного союзника в борьбе с Османской империей». Никифоров уделяет особое внимание развитию тезиса Милорада Экмечича об «историческом «сломе» идеи югославянского национального единства», произошедшем в ходе революции 1848—1849 гг. Автор озвучивает предостерегающий вывод, согласно которому сербы, которые ранее отличались наиболее развитым, по сравнению с прочими южнославянскими народами, национальным сознанием, «в дальнейшем уступили пальму первенства своим соседям. Их национальное самосознание вплоть до настоящего времени оказалось наиболее развитым» (с. 225—226).

В Заключении (с. 241—250) Никифоров подчеркивает, что в Сербии в середине XIX в. существовали три идеологические концепции развития княжества: узко-сербская (Т. Вучич—Перишич), сербская или все-сербская (И. Гарашанин) и южнославянская (Бан, Зах, Ковачевич). Перечислены многочисленные препятствия, стоявшие на пути реализации политики Гарашанина: слабость государства, оставшегося вассалом Османской империи; плохая социально-экономическая ситуация; политические расколы и внутренние конфликты; разногласия ведущих уставохранителей при выборе союзников на международной арене и т.д. С другой стороны, в 1840-е годы Россия пережила «провал своей политики в Сербии». Отчасти он был обусловлен ошибками ее дипломатов, а отчасти — пропагандой западных держав, настаивавших на пагубности влияния, оказываемого Россией на балканских христиан. Так, Гарашанин опасался, «что на место зависимости от Турции придет зависимость от России». Впрочем, позднее он понял, что без российской поддержки Сербии не удастся воплотить свои национальные устремления. Поэтому в 1860-е годы он тесно сотрудничал с Россией. Австро-венгерская политика второй половины XIX в. не дала Сербии воплотить идеи, заложенные

в «Начертании». Короткий временной промежуток отделял объединение части находившихся под османской властью сербских земель, состоявшееся в результате Балканских войн 1912–1913 гг., от создания Югославии в 1918 г. Это событие «изменило течение сербской истории», а югославский кризис 1991–2001 гг., по мнению Никифорова, «был связан [...] с попыткой сербского народа вернуться к не реализованному в 1918 г. варианту объединения, и опять в центре первой половины кризиса оказалась Босния и Герцеговина». Окончательный вывод гласит, что сербам еще предстоит сформулировать «новые “Начертания”» (с. 250).

В любом случае перед нами блестяще написанное исследование, в котором критически переосмыслены, проанализированы и разъяснены все предыдущие историографические оценки «Начертания» и его автора — Илии Гарашанина.

Но не только это. Анализ как самого «Начертания», так и внешней политики Сербии в 1842–1853 гг. позволили Никифорову рассмотреть интересующую его тему в протяженном временном контексте. А благодаря введению в оборот новых источников, скрупулезности и остроумию в обнаружении параллелей и построении выводов читатель имеет возможность познакомиться с новым современным видением времени и его героев, о которых пишет автор.

Предисловие к сербскому изданию написал Душан Т. Батакович. Весна Смилянич-Рангелов перевела книгу на сербский язык. В приложении представлен текст «Начертания», позаимствованный из вышеупомянутой книги Р. Люшича.

© 2019 г. *Радомир Й. Попович*

E-mail: rjpopovic@gmail.com

Перевод А. Силкина